

В статье рассматривается ряд реализаций второй половины 30-х годов в Kislovodsk и Москве, несущих характерные признаки манеры Ивана Леонидова. Рассматривается возможность и степень его авторского участия и аргументы в пользу такого предположения.

Ключевые слова: Иван Леонидов; санаторий им. Серго Орджоникидзе; поздний конструктивизм. /

The article considers several realizations in Kislovodsk and Moscow in the second half of the 1930s. They have characteristics typical of Ivan Leonidov. The author speaks about the possibility and the degree of his participation as an author, as well as the arguments for this supposition.

Keywords: Ivan Leonidov; Sergo Ordzhonikidze Sanatorium; late constructivism.

Иван Леонидов: предполагаемые реализации в Kislovodsk и Москве / Ivan Leonidov: supposed realizations in Kislovodsk and Moscow

текст
Петр Завадовский /
text
Petr Zavadovsky

В опубликованной статье «Иван Леонидов и стиль "Наркомтяжпром"» [7] мы начали разговор о позднем творчестве Ивана Леонидова, так отличном от лет его авангардистского взлета (1927–1931). В статье был проанализирован сложный и экстравагантный формальный язык Леонидова второй половины 30-х гг., сочетающий модернистско-футуристическую образность с неоклассическими композиционными построениями и глубоким интересом к культуре древних Греции и Египта. Конкретизация и описание формального языка архитектора дает нам в руки исследовательский инструмент, позволяющий сделать следующий шаг – увидеть и выявить проявления этого языка в объектах, до сих пор не связывавшихся с именем Леонидова и заставляющих предположить его значительное влияние или даже авторское участие Леонидова.

Все это несколько корректирует сложившийся образ Леонидова как гениального одиночки, не понятого своим жестоким временем, птицы, сбитой на взлете. Приведенный материал показывает нам активно и плодотворно работавшего мастера, пользовавшегося значительным авторитетом и влиянием среди коллег-конструктивистов, одной из важнейших фигур советской архитектурной сцены второй половины 1930-х гг. В настоящей статье мы постараемся представить аргументы в пользу авторства Леонидова для реализаций, относящихся к ансамблю санатория НКТП им. Серго Орджоникидзе в Kislovodsk и Дворцу пионеров и октябрят в Москве. Разумеется, это лишь начало разговора на данную тему, не претендующее на окончательное решение проблемы, но лишь на дальнейшее обсуждение и исследование.

1. Иван Леонидов в Kislovodsk. Санаторий НКТП им. Серго Орджоникидзе: к вопросу об уточнении авторства

Санаторий Наркомтяжпрома в Kislovodsk – выдающийся памятник советской архитектуры второй половины 1930-х гг., известный прежде всего благодаря феноменальной лестнице Ивана Леонидова, наиболее совершенной реализации великого архитектора. Значение всего ансамбля как наиболее законченного образца позднего конструктивизма было вполне осознано лишь

в последние годы. Авторы только что вышедшей замечательной книги «Лестница санатория Наркомтяжпрома» концентрируют свое внимание прежде всего на упомянутой лестнице, отмечая в то же время, что «архитектура санатория заслуживает отдельного издания» [6, с. 1273]. Мне кажется важным осмыслить архитектуру корпусов санатория как исследовательскую проблему, рассмотрение которой позволяет выдвинуть предположения о влиянии И. И. Леонидова на архитектуру тех объектов комплекса санатория, его причастность к которым до сих пор никак не рассматривалась.

Доступная информация о строительстве санатория и роли в нем И. И. Леонидова сегодня, до проведения архивных изысканий, сводится к книге М. Я. Гинзбурга «Архитектура санатория НКТП в Kislovodsk» 1940 г. [1] и сведениям, сообщаемым С. О. Хан-Магомедовым, в его книгах, включая два интереснейших (но, увы, противоречащих друг другу) текста в его последней монографии о Леонидове. Это воспоминания В. В. Калинина, друга и коллеги архитектора, и его внучки Марии [5, с. 206–212, 336–337]. Все источники согласно указывают датировку проектирования и строительства санатория: 1935–1937 гг. Это означает, что сложнейший уникальный объект был создан максимум за три года и с исключительным, мало где в тогдашнем Союзе достигнутым качеством. То есть строительство велось «с листа», параллельно проектированию, в авральном режиме. И. И. Леонидов был привлечен к проектированию санатория в 1936 г. Конечно, при столь сжатых сроках важно было бы знать более конкретную дату. Известные нам обстоятельства появления Леонидова на объекте изложены С. О. Хан-Магомедовым [5, с. 206–208]. Судя по тому, что причиной «усиления» проектного коллектива Леонидовым было недовольство заказчика осуществлявшимися в натуре интерьерными решениями, основные конструкции зданий к моменту появления архитектора были уже возведены. Лестница была спроектирована до рабочих чертежей, но ее строительство не было начато.

В книге М. Я. Гинзбурга приведен список авторского коллектива в привязке к объектам: «Корпус № 1 – автор арх. С. Е. Вахтангов при участии Т. Б. Раппопорт, оформление интерьеров – И. И. Леонидов и Л. С. Богданов,

^ Рис. 1. Санаторий НКТП им. Серго Орджоникидзе. Генеральный план центрального ансамбля

< Рис. 3. Фасады северной стороны корпуса № 1, соответствующие «манере 1», виды 1–2. Фото Н. Васильева

конструктор Н. Д. Вишневецкий. Корпус № 2 – авторы арх. Е. М. Попов и Ю. Н. Гумбург, оформление интерьеров – И. Г. Кузьмин; <...> Главная лестница – автор арх. И. И. Леонидов, конструктор Н. Д. Вишневецкий. <...> Генеральный план – Е. М. Попов и В. В. Калинин. Планировка парка Л. С. Залесская <...> [1, с. 86] (рис. 1).

Таким образом, авторство И. И. Леонидова зафиксировано, помимо «главной лестницы», также и относительно интерьеров «спального корпуса № 1» – крупнейшего объекта санатория, помимо жилых номеров включающего анфиладу парадных вестибюлей, киноконцертный зал, столовую и библиотеку.

Однако многие объекты санатория, в авторах которых Леонидов не числится, имеют характерные черты его формального языка середины 30-х гг., наиболее полно проявившегося в конкурсном проекте здания НКТП 1934 г. и далее развивавшегося в проектах для Нижнего Тагила («Ключики», 1935) и Южного берега Крыма 1935–1938 [7]. Они наличествуют как в обоих спальнях корпусах, так и в деталях благоустройства территории санатория, видных на старых фото и с тех пор утраченных. Первоочередного внимания заслуживает наиболее яркий пример вышеописанного феномена – наружная архитектура 1-го спального корпуса, леонидовское авторство интерьеров которого подтверждено документально и неоспоримо.

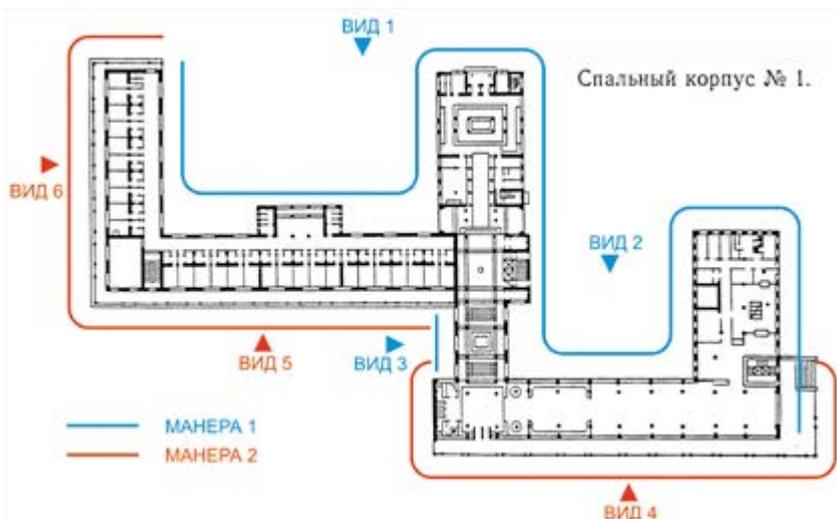
1. Спальный корпус № 1

В отличие от других сооружений санаторного комплекса, облик которых более-менее однороден, в архитектуре спального корпуса № 1 отчетливо различаются две авторские манеры, распределение которых на плане показано на рис. 2.

Фасады корпуса, обращенные на юг и запад, к Ребровой балке (виды 4, 5, 6 по схеме), заметно более проработаны и декоративны, чем северные фасады, со стороны главного входа, суховатая архитектура которых отвечает привычным представлениям о функционализме (виды 1, 2, 3).

Различия между ними заключаются:

1. В наличии в «манере 2» декоративных элементов (ваз).

2. В решении колонн – бесхитростно-конструктивистских в «манере 1» и с капителеподобными выгнутыми завершениями в «манере 2».

3. В решении балконных ограждений балконов и лоджий – однообразно плоских и глухих «в манере 1», а в случае «манеры 2» решенных пластично, попеременно вогнутых и выпуклых при чередовании глухих ограждений с решетчатыми.

Сравнение «манеры 1» с сохранившимися проектными перспективами корпуса позволяет заключить, что она соответствует исходно задуманной архитектуре здания и, таким образом, принадлежит его автору – С. Е. Вахтангову (рис. 3).

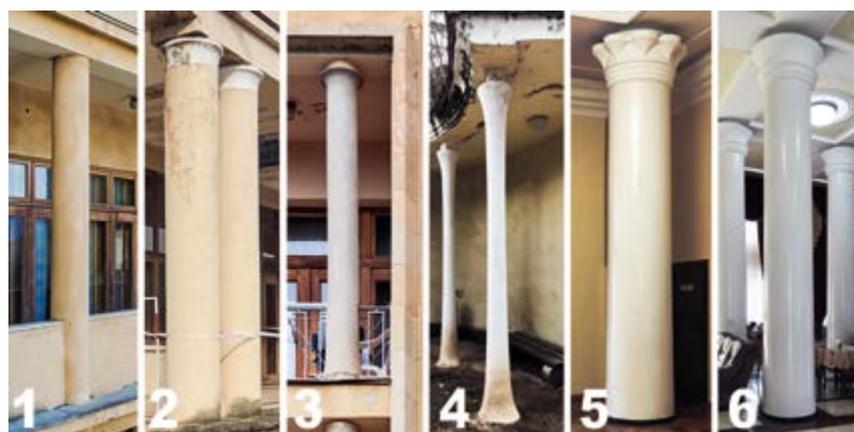
Задача атрибуции «манеры 2», делает необходимым более подробное рассмотрение ее характерных черт.

1.1. Вазы

Вазы, расставленные между колоннами венчающей перголы высокой части корпуса, имеют гиперболическую форму и суперграфическую роспись, знакомую нам по конкурсному проекту НКТП и связанной с ним «вазой Наркомтяжпром» [2, с. 124–125]. Все это вполне недвусмысленно адресует нас к творчеству И. И. Леонидова

^ Рис. 2. План 1-го этажа спального корпуса № 1 с указанием распределения двух манер детализовки фасадов

> Рис. 4. Декоративные вазы и их размещение на южном фасаде спального корпуса № 1. Фото Н. Васильева

^ Рис. 5. Варианты решения колонн санатория НКТП им. Серго Орджоникидзе:
1. Лоджии северного фасада корпуса № 1.
2. Галереи 1-го этажа корпуса № 1.
Лоджии 2–5 этажей.
4. Экседры лестницы.
5 и 6. Интерьеры корпуса № 1. Фото Н. Васильева

нидова. Другой тип ваз, напоминающих крестьянские крынки, расставлен в разрывах вогнутых ограждений 4-го этажа нижней части корпуса. Их аналогичная раскраска, видимая на иллюстрации в книге Гинзбурга [1, с. 71], сегодня утрачена. Их горшкообразная форма – не менее характерно-леонидовская, чем в первом случае, хотя использовалась Леонидовым реже. Эта же форма присутствует в ограждении центрального полукруглого балкона леонидовской лестницы. Оба типа ваз фигурируют на генпланах домов поселка «Ключики», и особенно отчетливо – на фасаде типового коттеджа (рис. 4 и 6).

1.2. Колонны

Обращает на себя внимание решение верха колонн в виде плавных тороидальных отгибов, выполненных на заметном отnose от балки. Хотя уверенно назвать эти расширения капителями трудно, они превращают цилиндрическую опору в пластичный ствол квазиклассической колонны (рис. 5, 2–3).

Плавное сглаживание стыка колонн с плитой перекрытия – нередкая черта в интерьерах 30-х гг. Но отрыв такого расширения от балки или плиты – характерная черта именно колонн Леонидова, восходящая к его египетским увлечениям [7]. Колонны галерей и лоджий спального корпуса № 1 стоит рассмотреть в контексте ко-

лонн в интерьерах этого корпуса, созданных И. И. Леонидовым, с их гораздо более очевидной древнеегипетской адресностью (рис. 5, 5–6).

1.3. Ограждения лоджий

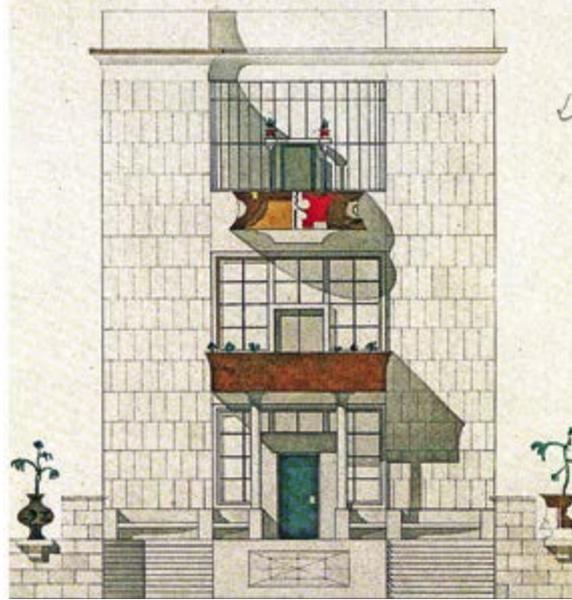
Лоджии фасадов с северной стороны спального корпуса № 1 имеют плоские и единообразно решенные ограждения – либо глухие (рис. 2, вид 3), либо в виде металлических решеток, как на центральном ризалите (рис. 2, вид 1; рис. 3 справа). В противоположность этому лоджии, опоясывающие корпус с юго-западной стороны, решены на удивление разнообразно и пластично. Здесь чередуются прямые, выпуклые и вогнутые ограждения как в глухом, так и в решетчатом вариантах. Сочетание всех этих приемов превращает однообразную сетку лоджий, которую мы видим в исходном проекте, в ряд нарядных ризалитов, имеющих по центру чередующиеся выпуклые и вогнутые балконы, акцентированные леонидовскими вазами в разрывах аттиков-ограждений балконов 4-го этажа. Из всех членов авторского коллектива санатория наиболее вероятным автором такого решения является Леонидов. Помимо вазы, прямого факсимиле архитектора, для Леонидова также были характерны приверженность симметрии и пристрастие к игре вогнутых и выпуклых криволинейных форм. Представляется интересным сравнение одного из таких ажурных ризалитов с леонидовским фасадом типового дома в Ключиках 1935 г. (рис. 6).

1.4. Разделительные экраны лоджий

Еще одной необычной чертой лоджий южного и западного фасадов являются разделительные экраны, торцы которых закрыты вогнутыми экседрообразными стенками. Это уникальное решение имеет единственный аналог – вогнутые торцы книжных шкафов библиотеки санатория. Интерьер библиотеки, как и прочие интерьеры 1-го корпуса, спроектированы бригадой И. И. Леонидова (рис. 7).

1.5. Промежуточный вывод

Все перечисленные характерные черты «манеры 2» объединяет их аппликативный, если не прямо декоративный характер. Это также касается самой архитектуры лоджий, криволинейные ограждения которых поставлены

< Рис. 6. Ризалит лоджии южного фасада корпуса № 1 (фото Н. Васильева) в сравнении с фасадом коттеджа в Ключиках (И. И. Леонидов, 1935). Аналогия формы ваз, колонн и игры выпукло-вогнутых форм

на прямые балки и плиты перекрытий (без соответствующих вырезов в них), что дает основание предположить их незапланированность исходным проектом, который был изменен тогда, когда несущие конструкции лоджий уже были возведены. Логично отождествить эти изменения с моментом появления на строительстве И. И. Леонидова. Все вышеперечисленное делает версию о принадлежности «манеры 2» Леонидову заслуживающей серьезного внимания и изучения. Столь заметное участие И. И. Леонидова в наружной архитектуре корпуса № 1, будучи твердо установленным, должно было бы отразиться и в обозначении авторства объекта. Формулировка «С. Е. Вахтангов при участии И. И. Леонидова» в этом случае представлялась бы мне адекватной.

2. Спальный корпус № 2. Интерьеры зимнего сада и лестницы

Другой пример, наводящий на мысль о творческом участии И. И. Леонидова, – интерьеры лестницы и примыкающего к ней холла, именуемого в книге М. Я. Гинзбурга «зимним садом» [1, с. 23]. Авторами наружной архитектуры корпуса № 2 в книге указаны архитекторы Е. М. Попов и Ю. Н. Гумбург, оформление интерьеров – И. Г. Кузьмин [1, с. 86].

Сравнивая иллюстрацию 1940 г. с современным фото, нетрудно заметить, насколько сегодня искажено авторское решение. Пол, первоначально решенный как сочетание плит мрамора с галечным покрытием (придававшим помещению атмосферу зимнего сада) сегодня заменен равнодушным паркетом в елочку. Цветник в центре заменен на большего размера декоративный бассейн. Тонкие деревянные колонки, первоначально вынесенные внутрь плавно вогнутой ниши (отчетливый помпейский акцент), сегодня отнесены к краям ниши, разрушив первоначальный эффект. Дверные полотна исходно строгого рисунка заменены на пошленькие криволинейно-филенчатые. Исчезла элегантная модернистская мебель из гнутой никелированной трубки (рис. 8).

Тем не менее, сохранившегося вполне достаточно, чтобы почувствовать руку Леонидова: весь интерьер построен на сочетании вышеописанных помпейских мотивов с излюбленными Леонидовым египетскими: ультра-

^ Рис. 7. Торцевые стенки экранов лоджий и торцы книжных шкафов библиотеки, спроектированные И. И. Леонидовым. Фото Н. Васильева

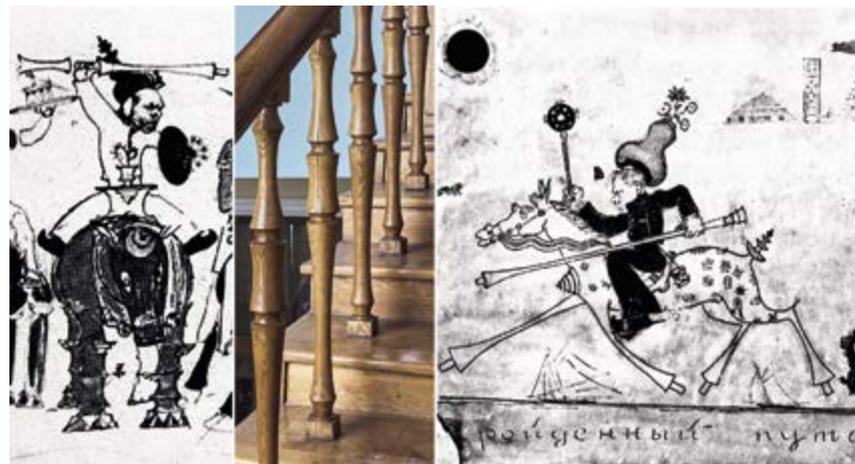
v Рис. 8. «Зимний сад» в корпусе № 2 (фото конца 1930-х) и сегодняшнее состояние (фото Н. Васильева)

> Рис. 10. Партер перед корпусом № 1 сегодня (фото Н. Васильева) и в конце 1930-х

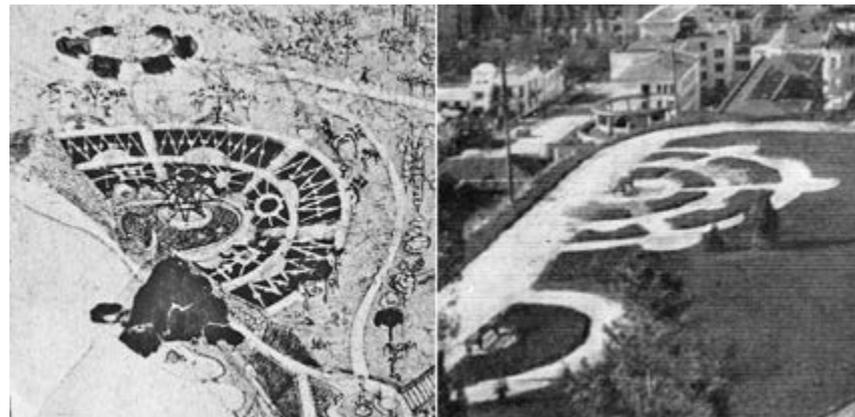

v Рис. 9. Балясины лестницы корпуса № 2 (фото Н. Васильева) и аналогичные элементы в руках Леонидова на шаржах В. В. Калинина. 1936

v Рис. 11. И. И. Леонидов. Фрагмент перспективы Артека с цветником-амфитеатром, 1937 и партер перед корпусом № 1 санатория в Кисловодске (фото конца 1930-х)

мариновый потолок с расположенными по сетке белыми снежинками (типично леонидовский мотив) коннотирует с росписями потолков египетских гробниц (например, гробницы Нефертари). Колонны, фланкирующие выход на лестницу, имеют упрощенно-египетские капители, аналогичные описанным в предыдущем разделе. Элементы деревянного декора также аналогичны леонидовским решениям в интерьерах 1-го корпуса. Это – вышеупомянутые колонки в нише, близкие колонкам во входном

вестибюле 1-го корпуса, и балясины лестницы, составленные из гиперболоидов и аналогичные изображенным на шаржах В. В. Калинина (рис. 9).

Для проверки первого впечатления от интерьеров стоит присмотреться к названному Гинзбургом автору интерьеров 2-го корпуса, Ивану Георгиевичу Кузьмину.

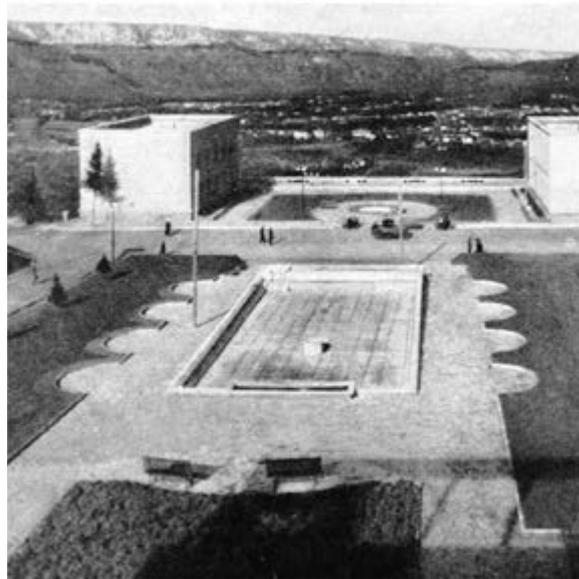
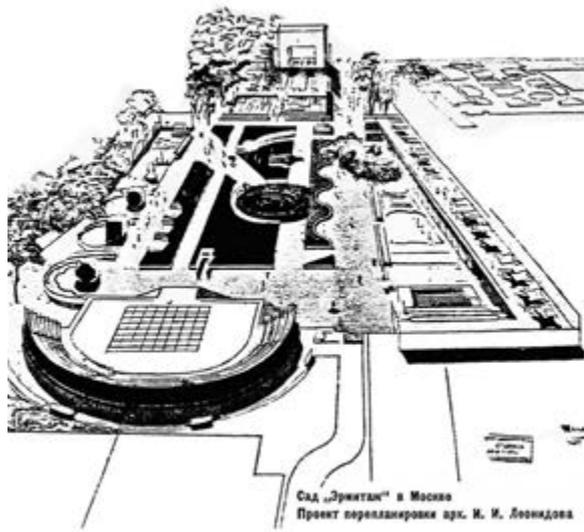
В первые годы учебы во ВХУТЕИНе Иван Георгиевич Кузьмин (1903–1984) был студентом А. А. Веснина, ассистентом которого был И. И. Леонидов. После организации в 1928 г. отдельной мастерской Леонидова в нее перешло большинство студентов Веснина с Кузьминым в их числе [3, с. 478]. По окончании института в 1930 г. Кузьмин в составе группы Леонидова («Бригада ОСА») принимает участие в конкурсе на соцрасселение Магнитогорска. Глубокое почтение к своему учителю Кузьмин сохранил до конца жизни, что выразилось в предпринятой им в начале 80-х реконструкции чертежей Леонидова на основе журнальных иллюстраций [4, с. 275–276]. Воспоминания И. Г. Кузьмина о Леонидове приводит в своей книге С. О. Хан-Магомедов [5, с. 324]. Таким образом, в 1936 г. огромное влияние И. И. Леонидова на своего ученика представляется несомненным. В случае интерьеров лестницы и зимнего сада корпуса № 2 можно, не особо рискуя, напрямую включить И. И. Леонидова в число их авторов наряду с И. Г. Кузьминым.

3. Элементы благоустройства

В книге М. Я. Гинзбурга обращает на себя внимание фотография с газонным партером перед южным фасадом корпуса № 1 [1, с. 68]. Сегодня это место засажено деревьями, и все следы первоначального решения стерты временем (рис. 10).

Композиция из трех полуколец с полукруглыми площадками, соединенных радиальными дорожками, является горизонтальной проекцией декоративного амфитеатра, который Леонидов многократно применил в проекте южного берега Крыма и вариант которого осуществил в своей знаменитой лестнице (рис. 11).

Второй элемент благоустройства санатория, позволяющий предполагать влияние И. И. Леонидова, – это решение площадки перед призматическим объемом клуба и главным входом в санаторий. Характерной

< Рис. 12. Проект сада «Эрмитаж» (1933) и партер перед главным входом в санаторий в Kisловодске. Фото конца 1930-х

чертой первоначального решения этой площади, позднее полностью измененного, являются полукруглые замощенные площадки-ниши по обеим сторонам прямоугольного декоративного пруда [1, с. 84]. Леонидов вообще имел пристрастие к полукруглым нишам, но конкретно у этого решения есть прямые прецеденты – проекты сада «Эрмитаж» и Тверского бульвара (оба 1933 г.). Если сравнивать его с решениями всех других членов группы Гинзбурга, то это решение наиболее близко именно И. И. Леонидову.

4. Коллектив

Напомним, что Леонидов был вызван Гинзбургом в Kisловодск закрывать прорыв с проектированием интерьеров санатория. Фактическое же участие архитектора в проектировании санатория оказалось гораздо шире:

Леонидов побудил коллег отказаться от готового (сделанного до рабочих чертежей) проекта главной лестницы и выстроить лестницу по своему проекту. При этом автор отвергнутого проекта В. В. Калинин, согласно своим воспоминаниям, приведенным С. О. Хан Магомедовым, осуществлял авторский надзор при строительстве леонидовской лестницы [5, с. 212]. Чертежи лестницы сегодня неизвестны и, возможно, не сохранились. Высказывались предположения о том, что их и не было, а лестница строилась по эскизам и по месту. В связи с ее сложностью, в том числе и конструктивной, это представляется маловероятным. В то же время, мне трудно представить визионера Леонидова, корпящего над рабочей документацией. Логично предположить, что ее тоже делал В. В. Калинин. Тот факт, что Леонидов, фактически отобрав объект у Калинина, выполнил свой практически его руками, не может не вызывать удивления, как и то, что воспоминания Калинина лишены следов обиды на Леонидова.

Подобным же образом, руками своего ученика И. Г. Кузьмина Леонидов выполняет интерьеры спального корпуса № 2. В этом случае, правда, авторство за Кузьминым было оставлено.

Явные следы влияния (возможно, и участия) Леонидова несет благоустройство санатория.

Все это рисует достаточно необычную картину широкого и достаточно бесцеремонного вмешательства Леонидова в работу коллег. И то, что такое вмешательство

< Рис. 13. Шарж В. В. Калинина. 1936

не только не было отвергнуто, но и оказалось результативным, воспринимается как свидетельство огромного авторитета Леонидова и его личного обаяния. Правда, оно, похоже, не было бесконфликтным, как о том свидетельствует шарж Калинина, изображающий Гинзбурга и Леонидова как «членов комиссии по невмешательству в кисловодские дела»!

II. Иван Леонидов и Дворец пионеров и октябрят в пер. Стопани в Москве

Особняк чаепромышленника В. Я. Высоцкого был построен Р. И. Клейном в 1900 г. С 1922 по 1935 гг. в здании размещалось Всесоюзное общество старых большевиков. После ликвидации общества в 1936 г. по предложению Н. К. Крупской особняк был отдан под размещение городского Дома пионеров. Роскошные интерьеры особняка старым большевикам не мешали, но показались неуместными известному другу культуры Н. С. Хрущеву, тогдашнему первому секретарю МГК ВКП (б).

> Рис. 14. Дворец пионеров и октябрят в пер. Стопани, 5. Схема расположения объектов и реконструкции утраченных элементов благоустройства. Благоустройство перед дворцом (1946)

v Рис. 15. Дворец пионеров и октябрят в пер. Стопани, 5. Декоративная стенка (скамейка?) и фонарь-ростральная колонна. Сравнение с аналогами в творчестве И. И. Леонидова

Переустройство и новое оформление помещений особняка для размещения Дома пионеров было поручено архитекторам К. С. Алабяну, А. В. Власову и А. К. Чалдымову (№ 1. на схеме, рис. 14). В росписи интерьеров, изготовлении мебели и декорировании интерьеров участвовали художники В. А. Стенберг, П. Я. Павлинов, Н. М. Чернышев, Г. И. Рублев, Л. А. Бруни и В. А. Фаворский. Однако уже в конце 1930-х гг. многие помещения были вновь переоформлены мастерами Палеха. Помимо этого особняка, Дворцу пионеров был отдан другой, на противоположной стороне переулка (№ 2 на схеме). В нем разместились «технический и научный блоки» Дворца, оформление интерьеров которых было поручено И. И. Леонидову. Сейчас здесь размещается представительство фирмы Ксерокс, и все следы леонидовских интерьеров, как можно догадаться, остались в прошлом [2, с. 134–135].

Дворцу была придана значительная территория, включавшая сквер у особняка Высоцкого, сад особняка и часть переулка, отгороженная оградой с воротами. На территории существовали павильоны и летний театр. Сегодня в сильно искаженном виде сохранилась часть интерьеров в основном здании дворца (сегодня – «Детский центр творчества на Стопани»), и в паре мест – трудноузнаваемые следы благоустройства. Тем не менее, со-

хранившиеся элементы интерьеров и исторические фото заставляют подозревать, что здесь повторилась история санатория в Кисловодске: там, где появился И. И. Леонидов, его формальное влияние, его рука прослеживаются далеко за пределами части работы, непосредственно порученной архитектору. Они наиболее очевидны в благоустройстве центральной площади Дворца, устроенной на части переулка Стопани (сегодня – Огородной слободы) (рис. 14).

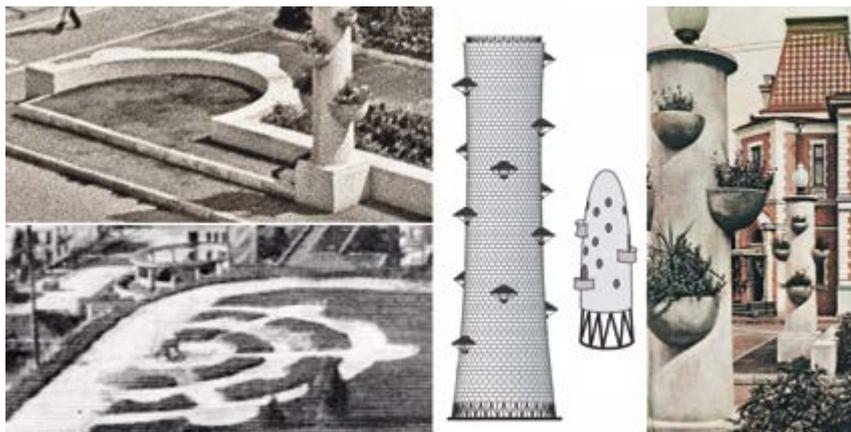
1. Экседры и ростральные колонны (№ 3–4 на схеме)

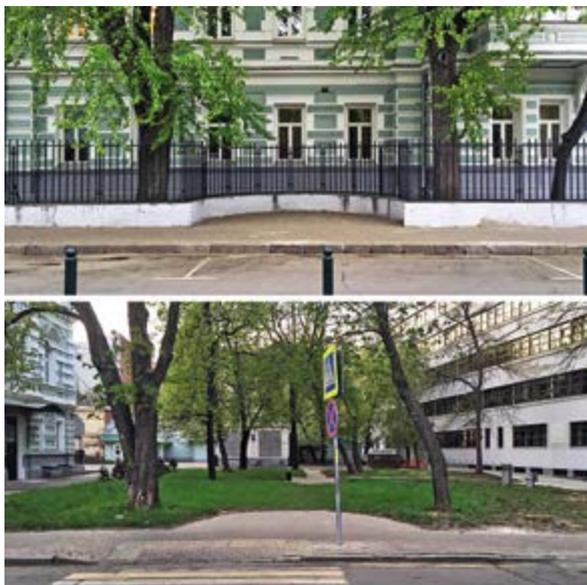
На фото поздних 1940-х гг. мы видим композицию из подпорных стенок (возможно – скамеек) и фонарей, симметрично устроенных по бокам памятника (исходно – Сталина, теперь – юноши Ленина), упрощенной версии леонидовского амфитеатра (сравним с вышеописанным партером в Кисловодске), а ростральная колонна является потомком гиперболической башни. Кашпо же сами по себе очень характерны для Леонидова с его любовью к цветам в вазах оригинальных форм (см. Ключики, рис. 15). Форма этих элементов достаточно необычна: стенки имеют полукольцевые участки с полукруглыми наростами с внешней стороны полукольца (по три на каждом). А фонарям придана форма ростральных колонн с рострами – цветочными кашпо полуэллиптической формы и торoidalными отгибами по верху колонны, аналогичными колоннам в Кисловодске. Все вместе вполне однозначно отсылает данное решение к Леонидову.

Как свидетельствуют фото 1940-х гг., стенки с экседрами и ростральными колоннами были расположены по обеим частям сегодняшней проезжей части переулка Огородная Слобода. Одна из стенок с экседрой сохранилась, превращенная в цоколь ограды сегодняшнего представительства Хегох. След второй существует в виде полукруглого выреза, примыкающего к тротуару. Сохранились и два пилона с куском ограды между ними (с другой решеткой), которая сегодня перегораживает тротуар и выходит на проезжую часть (рис. 16).

2. Ограда и ворота с фонарями (№ 5 на схеме)

Еще более необычно были решены ограда дворца с воротами, зафиксированные на фотографии поздних 1940-х. Устои ворот решены призматическими пилонами со сто-

< Рис. 16. Остатки леонидовского благоустройства сегодня: эскседры и пилоны ограды и ворот. Фото Д. Галимова

ящими на них фонарями, форму которых можно было бы сравнить с гибридом пальмы и земляники. На пилонах нарисованы леонидовские вазы: крынкообразная на левом и гиперболическая на правом. Пытаясь стилистически атрибутировать сами фонари, трудно найти что-то более близкое формам фантастических павильонов и фонтанов с разверток и перспектив леонидовского проекта южного берега Крыма 1935–1938 гг. Волнообразные формы ре-

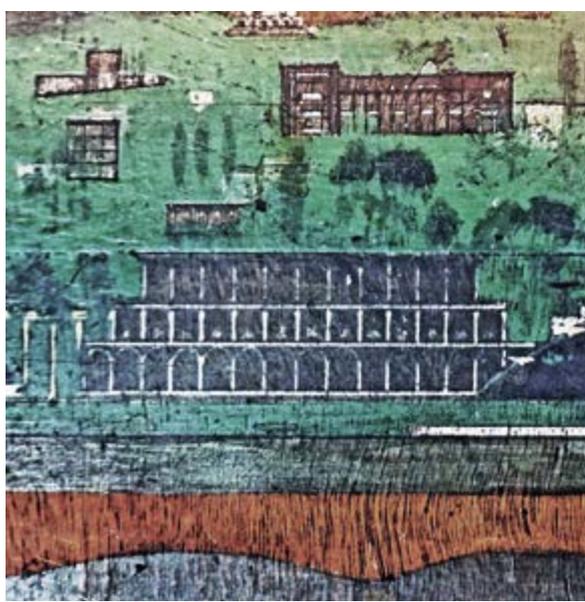
шеток ограды и ворот имеют единственный отечественный аналог – трубчатую мебель в интерьерах Дворца пионеров, приписываемую И. И. Леонидову. Пытаясь поставить такой декоративный модернизм в международный контекст, можно указать на голландское «модернистское необарокко» Сибольда ван Равенстейна поздних 1930-х – 1940-х гг. (рис. 17).

< v Рис. 17. Дворец пионеров и октябрят в пер. Стопани, 5. Ограда с воротами и фонарями в конце 1940-х. На пилонах ворот нарисованы леонидовские вазы. Справа – вазы из Кисловодска для сравнения. Фото Н. Васильева

> Рис. 18. Павильон в парке дворца в сопоставлении с санаторием с развертки ЮБК. 1936

в Рис. 19. Несохранившийся портал «шахматной комнаты». Фото 1946. Портал и потолок зала театрального кружка. Фото О. Радич

3. Павильон на территории Дворца пионеров

Среди дошедших до нас старых фото Дворца пионеров есть изображение паркового павильона. Возможно – заднего фасада сцены зеленого театра. Его формы, сочетающие египетские карнизы-выкружки и арки, лентами вставленные между опор, близки архитектуре санаториев с леонидовской панорамы южного берега Крыма (рис. 18).

4. Элементы внутренней отделки Дворца пионеров

Интерьеры существующего сегодня Центра детского творчества требуют тщательного обследования и изучения. В настоящей статье я лишь дам несколько примеров того, что они этого заслуживают, содержа элементы отделки, позволяющие предположить влияние, а возможно – и участие И. И. Леонидова. Это деревянные дверные обрамления, египтизирующий стиль которых аналогичен деревянным элементам в санатории им Серго Орджоникидзе. Один из таких порталов, сегодня не существующий, мы видим на старом снимке «шахматной комнаты», автором интерьера которой признается А. В. Власов. Другой существует сегодня в помещении театрального кружка, также выделяющегося совершенно неожиданным решением потолка. Представляется, что из всех архитекторов, работавших во Дворце, Леонидов – первый в очереди на авторство этих психоделических грибочков. А на авторство портала, на мой взгляд, просто нет других кандидатов (рис. 19).

В заключение повторю, что сегодняшнее состояние изучения проблемы не дает возможности делать окончательные выводы. И статья призвана представить проблему и побудить ее дальнейшее обсуждение.

Литература

1. Гинзбург, М. Я. Архитектура санатория НКТП в Кисловодске. – Москва: Издательство Академии Архитектуры СССР, 1940. – 88 с.
2. Gozak, A. & A. Leonidov, A. «Ivan Leonidov». – London: Academy Editions, 1988. – 216 p.
3. Хан-Магомедов, С. О. «Архитектура Советского авангарда»: в 2 кн. – Москва: Стройиздат, 1996. – Книга 1. – 719 с.
4. Schädlich, Christian; Chan-Magomedov, Selim O. Avantgarde II. 1924–1937 Sovietische Architektur. – Tübingen: Verlag Gerd Hatje 1993
5. Хан-Магомедов, С. О. Иван Леонидов. Из серии «Кумиры авангарда». – Москва: фонд «Авангард», 2010. – 368 с.
6. Васильев, Н. Ю., Овсянникова, Е. Б. «Лестница санатория Наркомтяжпрома». – Екатеринбург: TATLIN, 2020
7. Завадовский, П. К. Иван Леонидов и стиль «Наркомтяжпром» // Проект Байкал. – 2019. – № 62. – С. 112–119

References

- Ginzburg, M. Ya. (1940). Arkhitektura sanatoriya NKTP v Kislovodske [Architecture of the NKTP Sanatorium in Kislovodsk]. Moscow: Izdatelstvo Akademii Arkhitektury SSSR.
- Gozak, A., & Leonidov, A. (1988). Ivan Leonidov. London: Academy Editions.
- Khan-Magomedov, S. O. (1996). Arkhitektura Sovetskogo avangarda [Architecture of the Soviet avant-garde]. In 2 books. Moscow: Stroizdat.
- Scha dlich, Ch., & Chan-Magomedov, S. (1993). Avantgarde II. 1924–1937 Sovietische Architektur. Tübingen: Verlag Gerd Hatje.
- Vasiliev, N. Yu., & Ovsyannikova, E. B. (2020). Lestnitsa sanatoriya Narkomtyazhproma [The staircase of the Narkomtyazhprom Sanatorium]. Yekaterinburg: TATLIN.
- Zavadovsky, P. (2019). Ivan Leonidov and the “Narkomtyazhprom” Style. Project Baikal, 16(62), 112-119. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.62.1544>